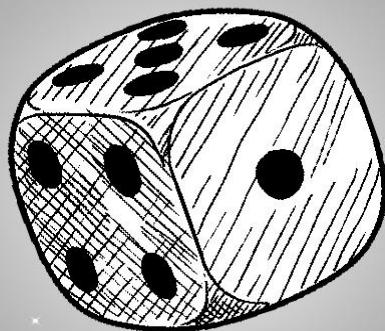

Заброшенный сад

Семен Грила

Заброшенный сад

*«Ты слишком серьезно себя принимаешь, – сказал он медленно. –
Ты слишком чертовски важен в своих собственных глазах.
Это должно быть изменено!
Ты так чертовски важен, что ты чувствуешь себя вправе
раздражаться всем.
Ты так чертовски важен, что ты можешь себе позволить уйти,
если вещи не складываются так, как тебе бы хотелось.
Я полагаю, ты думаешь, все это показывает,
что ты имеешь характер.
Это чепуха! Ты слаб и мнителен!»
Карлос Кастанеда*

*«Для общественной жизни нужно искусство, нужно подготовить
так много условий – одним словом, дома лучше».
Фёдор Достоевский*

Мысли

Когда ты доделываешь дело, ты как бы умираешь. В нем. Вместе с ним. Конец процесса – это смерть.

Ермилов любил жизнь, поэтому никогда не доводил дел до конца или вообще не начинал, если так было можно. Разные ситуации складывались в жизни, но развитый эгоцентризм защищал его от конца, от смерти самой жизнью. Процесс – это жизнь. Лень – способ выживания. Любовь к себе – основа всего твоего бытия. Возможность отдалить время наступления бесконечного безвременья. Где не будет тебя. Где нет такого понятия. Где эгоцентризм не существует, ибо нет эго. Несознательное небытие.

Прелестно, правда? Тебя нет, и ты об этом не знаешь. Это прям волшебство. А как же иначе, ведь Вселенная всесильна. Она не способна лгать и притворяться. Она не может дружить, любить или ненавидеть. Идеальное место для существования.

А почему так хорошо во Вселенной? Потому что это существование вне сознания, и именно это подлинная свобода. Без этого бесконечного добра и зла. Без сутолоки этики. Без косых взглядов общественного мнения и раздирающего тебя противоречиями коллективного бессознательного. Именно сознание делает людей несчастными.

Вот такой он, Ермилов, глубокий и тонкий. Вот хоть ешьте его с маслом.

Друзья

Как это ни странно, при такой религии друзья были. Сафонов и Пряник. Первый работал контролером выпуска готовой продукции, второй был программистом. Они не были друзьями детства, попались Ермилову по пути, в процессах.

Сафонов умел доставать билеты и приглашения на разные непубличные мероприятия. Ермилов любил поглазеть на публику, это его забавляло.

Пряник помогал находить полезную информацию в Сети. Мог склепать бота для конкретного поиска.

И еще все трое любили пиво. Ермилов их познакомил как-то, и все остались друг другом довольны. Это не значило, что они все время собирались вместе. Но что-то другое значило. Эти двое связывали Ермилова с остальным миром, поддерживали его социальную апатию на допустимом уровне, не допускали разложения и атрофирования.

Сам Ермилов писал заметки про светскую жизнь, про нравы и сенсации. В основном выдумывал, но соблюдал контекст, поэтому его ценили в редакциях, хотя порой и зажимали гонорар. Но это было обычно, и Ермилов не сердился, необязательность позволяла быть взаимным. Он ведь не стремился к концу своей концепции мира. В его концепции мир был убогим, вонючим и старым. И в его словаре эти слова не были синонимами.

Любовь

Любви в жизни Ермилова было много. Почему, спросите вы, ведь это редкое, глубокое, широкое и высокое. Ну, у вас – может быть. Ермилов относился к любви проще. Это было просто удовлетворение естественных человеческих, хотя во многом и животных потребностей.

Ермилов не любил любовь. Отношения он прерывал сразу, как только возникал хоть намек на привязанность в глубине его бездонного организма. Может быть, где-то там была его душа, он не знал, но знал про конец. А он был невозможен.

Концом в данной системе он считал как раз то, что вы называете любовью, и допустить этого не мог.

Но случались и в его отношениях с женщинами промашки, и тогда все перетекало в дружбу усилием его воли. Одной из таких ошибок была Клаша, женщина невероятных душевных качеств и в силу этого задержавшаяся на небосклоне Ермилова непозволительно долго. А потом довольно легко приняла его отказ от отношений.

Мало того, без надрыва влилась в коллектив друзей. Они, друзья, также приняли ее с энтузиазмом и наперегонки кокетничали. Впрочем, она не отставала. В общем, оживила пейзаж.

Да, по профессии Клаша была литературный критик. Так бывает. Нет, ну правда. Что смешного-то?

Размышления

Занятия Ермилова требовали фантазии, от которой он отдыхал, рассуждая о героях классических произведений русской литературы.

Он думал о том, что стало бы, если бы, например, Каренина не бросилась под поезд, а, напротив, подала в суд на Каренина?

Что стало бы с парнем из Достоевского, если бы он не явился к старухе-процентщице? Что Гоголь сжег во втором томе, и сжег ли?

Впрочем, водевильность его сюжетов не была слабее оригиналов, как, наверное, многим кажется. Волатильность вообще гораздо трагичнее поступательной неотвратимости. Нет, наоборот, неотвратимой поступательности. Как лучше?

Так вот, Ермилин буквально обожал это занятие, хобби, если хотите. Он рассказывал сюжеты в кругу друзей и случайных знакомых. Его, как вы знаете, притягивала глупая бесконечность или бесконечность глупости. Это как вам будет угодно. Оба варианта хороши.

Он часто использовал подобные сюжеты, вставляя их в описания жизни звезд эстрады. Читателям нравилось такое. Все любят пошлость и грязь. Ну ладно, не все. Но дискуссии на эти темы – уж точно все.

Туризм

Как-то раз Клаша уговорила коллектив друзей Ермилова уехать в лес с палатками и пожить в духе выживальщиков. Знаете, есть такие – готовятся все время к концу света и надеются его пережить. Ну то есть все натурально, без примочек цивилизации. Готовить на огне. Спать на земле. Консервы. Вода. В общем, все с собой, на себе и под собой.

Как ни странно, все согласились. И Ермилов был главным энтузиастом. Не конец, одним словом, но близость этого щекотала его, наверное, в правильных местах. Особенно воображение.

Поехали на электричке. Потом на безымянной в кавычках станции сошли. И лесом. Пока не встали совсем.

Потом костер. Установка палаток. Комары. Туалет под кустом. Храп друзей. А нет – сначала ужасный, но быстро съеденный ужин. Песни. Пряник оказался прям музыкальным автоматом. И знал, и умел. Потом храп и наконец собственный сон.

Утро было ужасным. Мокрым. Холодным. Злые. Шли куда глаза глядят. Оказалось, это не совсем та тактика, которая приводит к хорошей стратегии.

Кое-как вышли на какую-то дорогу. Кое-как кого-то поймали. Кое-как вернулись.

Впоследствии опыт был признан вполне удачным. Вспоминали. Смеялись. Много. Ну типа можем повторить. Но почему-то так и не стали. Как потом выяснилось. С годами.

Абсурд

Клаша девушка была видная во все свои уже пятьдесят. Или сорок. Бог знает. Крупная. Фигуристая. Со вкусом.

Пряник был типичный дрыщ. Ну такой – никакой. Маленький, щуплый. Патлатый.

Сафонов. Коротенький. Кругленький. Лысый почти совсем уже. Но зачесывающий все, что осталось, наверх.

Ермилов. Высокий. Статный. Некрасивый. Но быстрая мысль и образы интриговали собеседника и просили забыть об изъянах. И они забывались. И кто видел и общался, не раз считали его симпатичным и обаятельным.

Зачем это все? Ну а как иначе? Вдруг вам не достает воображения представить наших героев. Вдруг они снимались в порно, и вы их узнали.

Давайте развеем подозрения. Они обычные, не киношные. Таких, как они, – хоть пруд пруди. Почему тогда они? А почему нет? Вселенная выбирает случайно, будем считать – она тут как тут. У нас же про бесконечность. Лень искать и выписывать. И описывать. Переплюнуть Набокова вряд ли удастся. Да нет, точно нет. А если так, то зачем пытаться и делать что-то тривиальное, примитивно похожее на шедевры. Лучше уж как Ермилов. Придумывать людям биографии за деньги. Строчить апокрифы несуществующих событий. Все как-то естественней. Человечней, если хотите.

Не писать? Вы говорите – не писать? Да как же. Ермилов обидится. Вот, скажет, я, мои мысли никому не нужны. Моя бесконечная тяга к нетяге. Разве можно упустить такое. Не пустить меня к живым еще людям. Не бывать такому.

Пишите обязательно, говорит он. И мы пишем. Мы его не бросим. Будем и писать, и читать. Согласны?

Событие

Ермилова уволили. Газету и сайт, где он работал много лет подряд, продали, а новый владелец вот так вот поступил.

Неожиданно Ермилов стал безработным. А денег у него было отложено немного. Были, были, конечно, но ненадолго. Впервые в жизни Ермилов почувствовал конец, почти так же остро, как когда-то с Клашей.

Нет, гораздо острее. Его пробило. Он занервничал, и сильно. Начал всем подряд звонить и писать. Многие сочувствовали. Да все практически. Но никто не помог.

Друзья не отвернулись. По-прежнему были рядом. Но конец. Конец тоже был рядом. Ермилов ощущал его физически.

Он решил неожиданно для себя закончить самому, взять, так сказать, конец в свои руки. Не ждать, когда он придавит. опередить. Сделать, что от него не ожидают. Пойти на Перекоп своей философии. Оригинальный поступок для себя совершить.

Как? Ермилов задумался. Перебрав все варианты, решил – как римляне. Ванна. Тихо, спокойно, практически безболезненно. Красный цвет. Красиво.

Сказано – сделано.

Пошел в ванную. Открыл воду.

Вернулся. Сел писать прощальные письма. Задумался. Задумался сильнее.

Пошел в ванную. Выключил воду.

Позвонил Клаше.

– Представляешь, старуха, я чуть руки на себя не наложил.

– За что?

– Ну, увольнение, все такое, ты же знаешь, это же конец. Ну, я не знаю, как реагировать, растерялся.

– Ладно, я сейчас приеду, – и отключилась.

С Клашей уютно, подумал Ермилов, она хороший друг.

Он разделся и лег в постель.

Утро вечера мудренее, подумал он сначала банальности. И добавил человечинки: сейчас Клаша приедет, и все будет хорошо.

И уснул.